
УДК 81.512.31

ББК 81.642

X 20

Харанутова Д.Ш.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, e-mail: dkharanutova@mail.ru

Шагдаров Л.Д.

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, e-mail: dkharanutova@mail.ru

**Мотивировочная основа слова как исходная
семантическая модель
(на примере бурятского языка)
(Рецензирована)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-04-00585 а/Г)

Аннотация:

Рассматривается вопрос семантической мотивации наименований явлений действительности в бурятском языке. Проанализированы мотивационные признаки производных слов, обозначающих руководящее лицо. Раскрывается связь содержательной стороны производных номинаций с внутренней формой слов, отражающей характер логико-семантических процессов при образовании дериватов. Приводятся доказательства, что в бурятском языке при обозначении руководящего лица мотивировочная основа представляет семантический перенос на основании горизонтального видения.

Ключевые слова:

Внутренняя форма слова, деривационные отношения, мотивированность, мотивировочный признак, метафорический перенос.

Kharanutova D.Sh.

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Institute of Mongolia, Buddhism and Tibet Studies, Siberian Department of Russian Academy of Sciences, e-mail: dkharanutova@mail.ru

Shagdarov L.D.

Doctor of Philology, Professor, Principal Scientist of Institute of Mongolia, Buddhism and Tibet Studies, Siberian Department of Russian Academy of Sciences, e-mail: dkharanutova@mail.ru

**Motivational foundation of the word as the initial semantic model
(as shown by the Buryat language)**

Abstract:

The paper deals with semantic motivation of names of reality phenomena in the Buryat language. The motivational characteristics of derivatives, designating the leader, are analyzed. The authors disclose the relationship between the informative side of derivative nominations and the inner form of words, reflecting the character of logic-semantic processes in the formation of derivatives. It is inferred that in the Buryat language, the motivational foundation, when defining a leader, represents a semantic interference on the basis of horizontal vision.

Keywords:

Inner form of a word, derivational relationships, motivation, motivational feature, metaphorical interference.

В рамках теории деривации специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, поскольку именно она может стать источником национально-культурной информации. В дериватологии внутренняя форма слова рассматривается как «способ семантической организации значения производного слова, проявляющийся в выдвигании на первый план компонентов, которые получают формальную маркированность, выражаются мотивирующей частью слова» [1: 24]. Внутренняя форма слова понимается как выраженный мотивировочный признак, лежащий в истоках образования слова. Мотивировочный признак слова - средоточие этимологической памяти слова, «метка» первоначального концептуального осмысления его, хранитель изначального представления о нем [2: 243]. Таким образом, внутренняя форма слова, мотивируя наименование, выступает как основа его концептуального осмысления, ее можно рассматривать в качестве семантической основы номинации, но не как компонент семантики слова.

По мнению Т.И. Вендиной, «сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово <...> дает возможность понять «привычки сознания», узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая его к концептуализации мира. А поскольку та концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых категорий и их объективируемых признаков также не является слу-

чайным и тем более хаотичным, а носит системный характер, давая представление о мировидении, мироощущении и мирозерцании народа» [3: 42]. В этом мы видим основание для рассмотрения мотивировочной основы слова в качестве исходной семантической модели.

Внутренняя форма любого производного слова несет в себе информацию о цепочке переосмысления начального смысла. Наиболее наглядно данная нить словотворчества наблюдается на материале лексико-словообразовательного гнезда, где производные связаны не только деривационными, но и мотивационными отношениями. Рассмотрим в этом аспекте связь содержательной стороны производных номинаций с внутренней формой слов, отражающей характер логико-семантических процессов при образовании дериватов. В данной работе нас интересуют мотивационные признаки производных слов, обозначающих руководящее лицо.

В современном бурятском языке для обозначения руководящего лица, начальника, употребляются дериваты-синонимы: *туруулэгшэ* (председатель), *хутэлбэрилэгшэ* (руководитель), *хутэлэгшэ* (вождь, вожак), *ахалагша* (главарь, вожак), *удамарша* (вожак, атаман), *ударидагша* (вождь, руководитель, вожак), *дахуулагша* (главарь, вожак), *толгойлогшо* (главарь), *үүсхэгшэ* (главарь) [4]. Из вышеперечисленных слов наибольшей частотностью употребления в этой функции выделяется *туруулэгшэ*

(председатель) [5]. Данный дериват применяется для обозначения высшего руководства республики, лиц, облеченных государственной властью: *Буряад Республикын Президент - Правительствын Түрүүлэгшэ* – Президент РБ, Председатель правительства, *Буряад Республикын Правительствын Түрүүлэгшын Нэгэдэхи орлогшо* – Первый заместитель председателя правительства, *Арадай Хуралай Түрүүлэгшэ* – Председатель Народного Хурала и т.д. Поскольку семантика *түрүүлэгшэ* шире значения «председатель», так как обозначает должности людей, находящихся во главе любого предприятия, указывает на административные функции лица, представляется, что более точным будет толкование «руководитель» [6].

Мотивировочный признак и значение слова – понятия разноплановые, но лексема *түрүүлэгшэ* иллюстрирует совпадение собственно значения слова с внутренней формой. Изначально слово *түрүүлэгшэ*, видимо, имело значение *человек, находящийся впереди войска, предводитель*, о чем свидетельствует деривационная цепочка *түрүү* → *түрүүлхэ* → *түрүүлэгшэ*, отражающая процесс рождения деривата. Исходное слово цепочки *түрүү* `1.первый, головной, передовой, находится впереди; 2. 1)голова (напр., колонны); 2)глава; 3) изголовье`, являющееся вершиной лексико-словообразовательного гнезда, развивает две мотивационные линии. Первая связана с семой *нахождения впереди кого-л. или чего-л.* (пространственное видение), вторая - обозначает какой-то временной отрезок «ранее, впервые» (в переносном значении). Первая мотивационная линия *түрүү* имеет продолжение в производном *түрүүлхэ* (быть (или приходиться) первым; быть во главе; опережать), образованном при помощи суффикса *-л*. Далее образуется причастие *түрүүлэгшэ* (*хүн*),

где реализуется тот же мотивировочный признак, заданный вершиной гнезда. При субстантивации дериват *түрүүлэгшэ* вбирает в себя значение «лица», сема «быть первым, быть впереди» актуализируется, расширяется, новое значение (переносное) «человек, ведущий за собой людей, предводитель, руководитель» закрепляется. Кстати, однокоренное слово *түрүүшэ*, связанное деривационными отношениями с *түрүү*, ранее употреблялось в значении *тысяцкий* (род выборного, головы, старшины из крестьян) [7]. Теперь лексема в этом значении перешла в статус архаизмов и употребляется только в значении «первый»: *түрүүшэ һамган* `первая жена` и т.д. Второе значение *түрүү* `1)голова (напр., колонны); 2)глава; 3)изголовье`, также переносное, является результатом переосмысления пространственного видения: «находиться впереди колонны, войска и т.д.» значит «возглавлять, быть главой, головой», например, *айлгуур түрүү* (уст. главарь, вожак, атаман). Данный пример демонстрирует нахождение языком внутреннего соответствия между горизонтальным видением «быть впереди» и вертикальным «возглавлять».

Что касается дериватов *хүтэлбэрлэгшэ* `руководитель` и его производного *хүтэлбэрлэгшэд* `руководство`, они мотивированы семой *вести кого-то за собой*, которая берет начало в вершинном слове лексико-словообразовательного гнезда *хүтэлхэ* `вести на поводу (напр. лошадь), вести (или водить) за руку; 2. вести, руководить`. Если принять ряд толкований в словарной статье *хүтэлхэ* как процесс преобразования семантики лексем, то в цепочке семного ряда следующее за первым значение – переносное: «руководить» (*завод хүтэлхэ* `руководить заводом`), заметим, что именно оно прослеживается во всех номинациях данного гнезда. В цепочке *хүтэлхэ* → *хүтэлбэри* → *хүтэлбэрлхэ* наибольшее количество дериватов со значением руководства дает

глагол *хүтэлбэрлэхэ* '1. руководить; 2. руководящий', образовавший производные *хүтэлбэрлэгшэ* 'руководитель' (например, *бэрхэ хүтэлбэрлэгшэ* 'умелый руководитель'), *хүтэлбэрлгэ* 'руководство', *хүтэлбэрлхы* 'ведущий, руководящий' и серию залоговых глаголов: совм. *хүтэлбэрлсэхэ*, побуд. *хүтэлбэрлүүлхэ*, страд. *хүтэлбэрлэгдэхэ*. Примерно такую же гроздь дериватов (речь идет не только о количественном соотношении, но и об образовании взаимооднозначных лексем) образует вершина гнезда *хүтэлхэ*: *хүтэлбэри* 'руководство, водительство', *хүтэлэгшэ* 'ведущий, поводырь', *хүтэлсэхэ* совм., *хүтэлүүлхэ* побуд., *хүтэлэгдэхэ* страд., *хүтэлэлгэ* 'ведение, водительство' [8: 305]. Что касается толкования последнего слова, на наш взгляд, в данном случае та же ситуация, как и со словом *түрүүлэгшэ*, т.е. толкование «руководство» будет более точным. Тем более, далее подается пример *гүрэншэ хүтэлэлгэ* 'управление государством'.

При структурировании лексико-словообразовательных гнезд проявляются особенности словообразовательной системы, например, бурятский язык характеризуется наличием словообразовательных синонимов (слов, образованных от одного производящего при помощи синонимичных суффиксов). Деривационный потенциал словообразовательных синонимов *хүтэлбэри* и *хүтэлэлгэ*, образованных при помощи аффиксальных синонимов –*бари* и –*лга*, неодинаков (проблема словообразовательной синонимии остается за пределами этой работы). Именно *хүтэлбэри* (наиболее частотный в употреблении, нежели однокоренной синоним *хүтэлэлгэ*) является производящим для глагола *хүтэлбэрлэхэ*, образовавшего гроздь дериватов, в том числе и интересующий нас *хүтэлбэрлэгшэ*. Можно предположить, что закреплению семы *руководства* слово *хүтэлбэри* обязан суффиксу – *бари*.

Ударидагша 'вождь, руководитель, лидер' мотивирован глаголом *ударидаха*

'руководить, вести за собой' [8: 287]. Например, *Светлана Цыдыповна 2002 онһо хойшо Бурядай багшанарай колледжые шадамар бэрхээр ударидажа ябана* – 'С 2002 года Светлана Цыдыповна умело руководит бурятским педагогическим колледжем (газета «Буряад Үнэн», 2009, №46). *Ударидаха* дает пучок дериватов и синтаксических конструкций с семой *руководить, вести за собой*, например, образует конструкции *жолодоон ударидаха* 'руководить, управлять (государством)' или *оройлон (толгойлон) ударидаха* 'возглавлять, руководить' или же образует цепочки *ударидаха* → *ударидалга* 'руководство, водительство', *ударидаха* → *ударидахы* 'руководящий', *ударидаха* → *ударидалга* 'руководство'. Далее, глагол *ударидаха* дает набор залоговых глаголов побуд. *ударидуулха*, страд. *ударидагдаха* 'быть руководимым, быть под руководством', последний глагол продолжает деривационное развитие и образует дериват *ударидагдамал* 'руководимый'. Необходимо отметить, что в деривате *ударидаха* и синонимах *хүтэлхэ* и *хүтэлбэрлэхэ* значение «руководить» имеет небольшое дополнение, уточнение: *руководить (направлять)*. Поэтому *хүдэлмэришэнэй хүдэлөөе ударидаха* 'руководить рабочим движением', *кружок хүтэлхэ* 'руководить кружком', *аспирантнуудые хүтэлбэрлэхэ* 'руководить аспирантами'. Более того, в дериватах *хүтэлхэ* и *хүтэлбэрлэхэ* происходит расширение семантики деривата, сема *руководить* получает добавочный смысл «управлять, заведовать», которого нет у *ударидаха*: *эмхи зургаанише хүтэлбэрлэхэ* 'заведовать учреждением'. Появление дополнительных семантических приращений в данных словах, наверное, связано с первоначальным значением *хүтэлхэ* «вести лошадь (на поводу), вести кого-то (за руку)».

Как видим, в дериватах *түрүүлэгшэ* 'председатель', *хүтэлбэрлэгшэ* 'руководитель', *ударидагша* 'вождь, руководитель' мотивировочный признак заложен

в вершинном слове, что подтверждает метафорический перенос, наблюдаемый в семной цепочке этого слова. Что касается слова *дахуулагша*, тут наблюдается несколько иная картина. Слово *дахаха*, возглавляющее цепочку *дахаха* → *дахуулха* → *дахуулагша*, имеет значение 'следовать за кем-л., сопутствовать кому-л., сопровождать кого-л.'. Изменение значения наблюдается в его производном *дахуулха* 'побуд. 1. вести за собой, идти во главе, руководить; 2. брать с собой; 3. покорять, подчинять', далее значение *вести кого-то за собой* получает развитие у *дахуулагша* 'главарь, вожак'.

Приведенный языковой материал свидетельствует о том, что семантическая модель слов со значением руководства связана с пространственными глаголами *түрүүлхэ, хүтэлбэрлхэ, дахуулха, ударидаха*. В акте номинации выделяется и актуализируется признак, значимый для языкового сознания бурят, характерный для кочевых народов – «вести за собой мог тот, кто находился впереди» на основании горизонтального видения мира. Не во всех анализируемых дериватах этот мотивировочный признак заложен в слове, являющемся вершиной гнезда, но он обязательно формируется у мотивирующего глагола, от которого образуется субстантивируемое причастие со значением руководящего лица. Именно данный мотивировочный признак, развившийся в результате метафорического переноса, выступает в качестве мотива и основания для создания номинации. На примере слов исследуемой тематической группы доказываем, что мотивировочный признак – не элемент собственно значения слова, а устойчивая ассоциация, связанная с ранее бытовавшим представлением кочевых народов о руководящем человеке, как о человеке, находящемся впереди и ведущем за собой людей. Приводимые в качестве примера компоненты значения слова (семы) подтверждают правильность нахождения мотивировочного признака

слов данной тематической группы.

Необходимо отметить, что бурятское представление о руководстве тесно связано со значением старшинства. Показательно в этом смысле образование деривата *ахалагша* '1. атр. старший, главный; старший; 2. старший суц.; начальник', изначально обращенного своей внутренней формой к идее старшинства, заданного вершиной лексико-словообразовательного гнезда *аха* '1. старший брат; 2. прил. старший'. Бурятский язык находит внутреннее соответствие между понятиями старшинства и руководства, наглядно выраженное в образованном от *аха* глаголе *ахалха* 'быть старшим над кем-л., начальствовать', где значение «начальствовать» развилось на основе первого. На наш взгляд, в дериватах лексико-словообразовательного гнезда, где к семе старшинства добавляется дополнительная сема «руководящий» (ср. *ахалагшад* 'собир. начальство; 2. верховод, главарь; 3. ист. староста', *ахамад захирагша* 'главнокомандующий', *ахалалга* 'руководство, главенство', *ахадаха* 'быть старшим, иметь старшинство (или первенство), начальствовать') обнаруживается признак «быть впереди, вести за собой других». Думается, что между внутренней формой данных слов существует ассоциативная связь с пространственным горизонтальным видением, ведь старший – мудрее, главнее, он должен быть во главе рода, находиться впереди войска, вести за собой людей. Толкования дериватов доказывают достоверность данного суждения, например, *ахамад захирагша* 'главнокомандующий', *ахадаха* 'быть старшим, иметь старшинство (или первенство)'.

Приведенный языковой материал свидетельствует о том, что семантическая модель слов со значением руководства связана с пространственными глаголами *түрүүлхэ, хүтэлбэрлхэ, дахуулха, ударидаха*. В деривате *ахалагша*, внутренняя форма которого не связана с мотивировочным признаком «быть впереди», идея

старшинства и пространственного положения (более высокого) преломляется с горизонтальным видением: тот, кто старше, кто стоит во главе рода, он – впереди, ведет за собой остальных. Представляется, что в сознании носителя бурятского языка существует устойчивая ассоциативная соотнесенность с признаком, связанным с представлением наших предков о руководителе.

Итак, апелляция к внутренней форме слов позволила выявить субъективные мотивы, послужившие толчком для словотворчества, и, вместе с тем, помогла определить общие закономерности мышления носителя бурятского языка, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие объективные закономерности. В бурятском языке при обозначении ру-

ководящего лица мотивировочная основа представляет семантический перенос на основании горизонтального видения мира, обусловленный, очевидно, кочевым образом жизни монгольских народов, наиболее актуальным признаком для наименования лица – руководителя, является *положение впереди*, которое позволяет вести за собой людей.

Таким образом, данный фрагмент языкового сознания носителя бурятского языка доказывает положение, что означивание реалий в языке определено, в первую очередь, экстралингвистическими факторами, в основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, причина возникновения которых лежит в основе образа жизни человека, в его деятельности и связанных с ними отношений.

Примечания:

1. Янценецкая М.Н. К проблеме внутренней формы слова / М.Н. Янценецкая, З.И. Резанова // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. – Томск, 1991. –С. 24.
2. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. - Киев: Знания, 2004. –С. 247.
3. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. -1999. -№2. – С.27.
4. Шагдаров Л.Д., Очиров Н.А. Русско-бурятский словарь. – Улан-Удэ: «Буряад үнэн», 2008. -904 с. В данном словаре, из которого мы сделали выборку, приводятся указанные толкования, хотя *толгойлогшо, үүсхэгшэ, дахуулагша, ахалагша* функционирует в бурятском языке не только в значении *главарь*, но и обозначают главу, человека, главного в каком-либо деле, руководителя. Слово «главарь» чаще употребляется для называния лица, правящего в криминальной сфере.
5. Далее примеры и толкования слов в данной работе извлечены из Бурятско-русского словаря в 2 т. См.: Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско – русский словарь. Т.1. А-Н. - Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006; Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско – русский словарь. Т.2. О-Я. - Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.
6. Мелконян Г.А. Динамика полисемии и омонимии в русском языке и ее лексикографическая интерпретация / Г.А. Мелконян // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2007. – №3. С. 45-50.
7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С.661.
8. Шагдаров Л.Д., Черемисов К. М. Бурятско - русский словарь. Т.2. О-Я. - Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.-С.505.

References:

1. Yantsenetskaya M.N, Rezanova Z.I. On the problem of the internal form of a word // word-formation The problems of word-formation in Indo-European languages. The problems of semantics. Tomsk, 1991. P. 24.
2. Manakin V.N. Comparative lexicology. Kiev: Znaniya, 2004. P. 247.
3. Vendina T.I. The Russian linguistic picture of the world through a word-formation prism (macrocosm). M.: Indrik, 1998. 242 pp.; Vendina T.I. Word-formation as a way of digitization of a universe // The Questions of Linguistics. 1999. № 2. P. 27-49; Vendina T.I. Word-formation as a source of reconstruction of linguistic consciousness // The Questions of Linguistics. 2002. № 4. P. 42-72.
4. Vendina T.I. Word-formation as a way ... P. 27.
5. Shagdarov L.D., Ochirov N.A. The Russian-Buryat dictionary. Ulan-Ude: Буряад ҮНЭН, 2008. 904 pp. In this dictionary from which we selected the examples, the mentioned interpretations are given, though «толгойлогшо, үү схэгшэ, дахуулагша, ахалагша» functions in the Buryat language not only in the meaning leader, but also denotes a head, a person, that is a chief in some business, a manager. The word «leader» is more often used for naming a person governing in the criminal sphere.
6. Further examples and word interpretations in this work are taken from the Buryat-Russian dictionary in 2 vol. See: Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. The Buryat-Russian dictionary. V. 1. A-N. Ulan-Ude: OAO «Republican printing house», 2006; Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. The Buryat-Russian dictionary. V. 2. O-Ya. Ulan-Ude: OAO «Republican printing house», 2008.
7. More detailed see in: Melkonyan G.A. The dynamics of polysemy and homonymy in Russian and its lexicographic interpretation // Bulletin of the Adyghe state university. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2007. № 3. P. 57-59.
8. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Russian language. A modern version. M.: EKSMO-Press, 2000. P. 661.
9. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. The Buryat-Russian dictionary. V. 2. O-Ya. Ulan-Ude: «Republican printing house», 2008. P. 505.
10. Ibidem. P. 287.
11. The example is taken from the publication in the newspaper «Burjaad ҮНЭН». 2009. № 46.
12. Shagdarov L.D., Ochirov N.A. Mentioned work. P. 180.